

тематично подібними легендами про дитину з надзвичайними здібностями (здатність літати, керувати погодою чи «демонічні» фізичні вади). Найчастіше таке дитя не може прожити довго: зникає чи перетворюється на смолу. Разом з романом «Слуга з Добромилля» Г. Пагутяк, цей мотив продовжує сюжет «Казки про калинову сопілку»: божевільна і вагітна Ганна зникає з хати, залишаючи по собі «довгий капарний слід – мов смоляним віхтем чиркнуло [4, с. 122]». Отже, повість реалізує «нещасливий» варіант легенди про відносини дівчини з коханцем-змієм.

Отже, фольклорний образ Змія є досить розповсюдженим як в європейських, так і в українських легендах і казках. Він демонструє глибоку вкоріненість у народну демонологію, тому, використовуючи його, автори літературних творів репрезентують образ двовір'я, який існував в українських селах до середини XIX століття. Слідуючи міфологічній традиції, Змій втілює ідею ворожої для людини стихійної сили, яка протидіє добру та християнським цінностям. Разом із тим, образ змія-коханця стає засобом реалізації важливих соціальних та моральних проблем, а драматизм сюжетів, пов'язаних з ним, загострює проблему гуманізму та добра. Проте відсутність одноставності в питанні трактовки культу Змія та складний характер постмодерністської прози не дозволяють назвати тему з'ясування міфопоетики образу Змія повністю вичерпаною. З огляду на це, означена проблема має перспективи подальшого дослідження.

Література

1. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А. Афанасьев. – М. : Грачева и Компания, 1869. – Т. 3. – 1600 с.
2. Гнатюк В. Нарис української міфології / Гнатюк В. – Львів : Інститут Народознавства Національної Академії Наук України, 2000. – 264 с.
3. Гундорова Т. Післячорнобильська бібліотека : український літературний постмодерн / Тамара Гундорова. – К. : Критика, 2005. – 263 с.
4. Забужко О. Сестро, сестро / Оксана Забужко. – К. : Факт, 2004. – 240 с.
5. Лузіна Л. Київські відьми. Меч і Хрест / Лада Лузіна ; [пер. з рос. В.С. Бойко]. – Харків : Фоліо, 2012. – 431 с.
6. Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. / [ред.-сост. С.А. Токарев]. – М. : Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
7. Нямцу А. Про проблеми функціонування «літературних архетипів» у європейському загальнокультурному контексті / Анатолій Нямцу // Слово і час, 2009. – № 9. – С. 3–14.
8. Пагутяк Г. Королівство / Галина Пагутяк. – Тернопіль : Джура, 2005. – 288 с.
9. Пагутяк Г. Слуга з Добромилля / Пагутяк Г. – К. : Дуліби, 2006. – 336 с.
10. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки / Пропп В.Я. – М. : Лабиринт, 2000. – 336 с.

*Стаття рекомендована до друку
доктором філол. наук, професором кафедри української
мови та літератури СНУ ім. В. Даля
Пустовіт В.Ю.*

Стаття надійшла до редакції 5 серпня 2014 року

УДК 811.512.122+81.161.1

*Мадина Шарипова
(г. Астана, Казахстан)*

ВОСТОЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ ДИАХРОНИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

У статті розглядаються питання запозичення тюркізмів у давньоруській мові в діяхронії. Описується розвиток російсько-тюркських мовних відносин, які відзначаються кількома історичними періодами, а саме період Київської Русі (X–XII ст.), який зазвичай називають періодом домонголо-татарської навали. Розглядаються процеси входження запозиченого слова в мову корінного населення, зокрема, місце запозичених слів у складі її лексики, особливості їх функціонування, оформлення, ступінь пристосування до системи мови.

Ключові слова: запозичення, тюркізми, контакти мов, етнолінгвістика, давньорусько-тюркські відносини, діяхронія, лексика.

В статье рассматриваются вопросы заимствования тюркизмов в древнерусском языке в диахронии. Описывается развитие русско-тюркских языковых отношений, которые отмечаются несколькими историческими периодами, а именно период Киевской Руси (X–XII вв.), обычно называемый периодом домонголо-татарского нашествия. Рассматриваются процессы вхождения заимствованного слова в принимающий язык, в частности, место заимствованных слов в составе лексики принимающего языка, особенности их функционирования, оформление, степень приспособления к системе языка.

Ключевые слова: заимствование, тюркизмы, контакты языков, этнолингвистика, древнерусско-тюркские отношения, диахрония, лексика.

The article examines the borrowing Turkisms in the old Russian language diachronically. Many foreign words having been borrowed with Russian language in the distant past, penetrated into Russian so deeply, that their origin can be found only through etymological analysis. Borrowing of new words is a natural and necessary process of language development. Lexical borrowing enriches language and usually does not harm its identity as persist basic, its treasury, and moreover, inherent language grammatical system remains the same and attributable language development laws are not violated.

Key words: borrowing, Türkizms, contact languages, ethnolinguistics, Lexica, diachronically.

Процесс заимствования слов – явление нормальное, а в определенные исторические периоды даже неизбежное. Освоение иноязычной лексики обогащает словарный запас принимающего языка.

Известно, что своеобразие языка обусловлено двумя факторами: происхождением языка и взаимодействием его с другими языками, т.е. языковыми контактами. Эти два фактора представляют собой две противоположные силы, которые формируют непохожесть отдельного языка на другие. Контакты языков – это наиболее заметные события языковой истории, которые сильнее всего изменяют облик языка [15, с. 169].

Любой языковой контакт обязательно предполагает взаимовлияние, взаимообогащение языков, иначе нет смысла для контактов. Свидетельством контактов языков и культур является заимствование. Л. Щерба отмечал важность исследования двуязычия как основы заимствования [20, с. 52].

На любом срезе системы языка сосуществуют явления различной хронологической давности, поэтому понять систему языка, игнорируя ее историю, невозможно [2, с. 21].

Процесс лексико-семантических преобразований заимствованных слов, их освоения в принимающем языке, как отмечают исследователи, – «диахроническая проблема, поскольку освоение протекает во времени [13, с. 33]».

В лингвистике XX века уделялось значительное внимание проблеме заимствованных слов в русском языке. Изучению заимствования, заимствованных слов посвящено значительное число работ, начиная с исследований Р. Брандта, Н. Дмитриева, Ф. Корша, П. Мелиоранского, Ф. Буслаева, Е. Карского, Я. Грота, А. Соболевского, М. Сухомлинова и др., заканчивая современными отечественными и зарубежными исследованиями (И. Асфандиярова, Н. Баскакова, Н. Гайнуллиной, В. Демьянова, Л. Ефремова, Л. Крысина, Х. Махмудова, К. Менгеса, Н. Мещерского, Н. Потемкиной, Г. Романовой, К. Смолиной, Г. Сороколетова, Ю. Сорокина, Г. Судакова, Г. Тимофеевой, Р. Юналеевой и др.).

При изучении заимствования обращалось внимание на такие моменты, как динамика процесса заимствования, виды заимствования, семантические изменения при заимствовании, типы адаптации заимствованных слов в принимающем языке, функционирование иноязычного слова в заимствующем языке [9] и др.

Теоретически значимыми являются труды Л. Крысина, в работах которого решаются некоторые теоретические проблемы заимствования: определение языкового явления «заимствование», причины заимствования, виды мигрирующих элементов, виды иноязычных слов, освоение слова в заимствующем языке, разные стороны этого освоения, признаки освоения иноязычного слова, определение заимствованного слова в отличие от иноязычного и др. [13].

Изучению лексического заимствования из тюркских языков в русский язык посвящены работы К. Абишевой, И. Асфандиярова, Н. Баскакова, В. Бондалетова, Н. Дмитриева, И. Добродомова, С. Малова, Х. Махмудова, О. Сулейменова и др.

Относительно объема понятия «тюркизм» в лингвистике существует мнение о том, что к тюркизмам в широком понимании относятся не только собственно тюркские слова, но и заимствования из арабского, персидского языков [10]. Тюркизмы включаются в обширную группу слов, пришедших из восточных языков, – ориентализмов.

Мы относим к тюркизмам слова, заимствованные русским языком из тюркских языков независимо от их происхождения в тюркских языках.

Тюркские заимствования, сохранившиеся в русском языке, русских говорах и просторечии, представляют интерес для исследователя. К тому же некоторые из них требуют уточнения со стороны этимологии.

Процессы вхождения заимствованного слова в принимающий язык, в частности, место заимствованных слов в составе лексики принимающего языка, их поведение, оформление, степень приспособления к системе языка, давно с разных сторон привлекают внимание лингвистов [13, с. 9; 5, с. 6]. Еще В. Виноградов писал о том, что необходимо исследование «приемов и принципов русификации заимствований [6, с. 237]».

Что касается терминологического обозначения процесса освоения заимствованных слов в принимающем языке, то он обозначается терминами «освоение», «ассимиляция», «адаптация», «русификация», которые мы используем в статье как синонимичные.

Изучению заимствований в истории русского языка посвящено немало работ. При этом обращают на себя внимание два факта. Во-первых, неравномерность в освещении заимствованной лексики по разным периодам истории русского языка, предпочтение периоду, которому сами общественно-политические условия создали приоритетные позиции для иноязычных языковых влияний на русский язык (петровское и послепетровское время). Во-вторых, преимущественное внимание к данной стороне процесса адаптации иноязычной лексики, а именно – лексико-семантической, при оставлении на втором плане иных сторон комплексного процесса адаптации: фонетических процессов, морфологии как словоизменения, словообразования, синтаксических воздействий, как правило, без определения внутренних закономерностей взаимосвязи и взаимозависимости между структурными элементами разных языковых ярусов, – проявляющейся как в фокусе в разнонаправленности процессов адаптации иноязычного слова в русском языке.

Обзор работ, посвященных исследованию преобразований заимствованной лексики в принимающем языке, показывает, что собранный материал по освоению заимствованных слов представляет собой в большинстве случаев изучение преобразований иноязычной лексики как изолированный процесс, рассматривающийся в отрыве от лексико-семантической системы исконного языка.

Особый интерес вызывает этнолингвистический подход к анализу заимствованных слов в диахронии. Этнолингвистика как наука исследует все то в языке, в чем нашли отражение современное бытие и история этноса, его материальная и духовная культура – не только в этнокультурной лексике, но и в ономастике, ассоциативных связях, идиоэтнических, пресуппозитивных и фоновых знаниях [12, с. 17].

Нередко предмет этнолингвистики сужается до так называемой «этнокультурной» лексики и фразеологии. В представлении М. Копыленко предмет этнолингвистики гораздо шире, он включает все то, в чем находит отражение идиоэтничность, в том числе народный менталитет [12, с. 19]. Тем не менее наибольшее число этнолингвистических исследований касается именно лексики и фразеологии как такого уровня языка, в котором наиболее ярко отражаются традиции, мировидение народа – носителя языка. При этом важно отметить, что этнолингвистическое изучение языков позволяет наиболее полно и достоверно представить их своеобразие, что и обусловило выбор в качестве исходного этнолингвистический анализ заимствованных слов.

Лексика и фразеология – это благодатное поле для этнолингвистических и сравнительно-исторических исследований. Именно на этих языковых уровнях наблюдается минимальное давление системы, которое довольно значительно в морфологии и сильно в фонологии. «Некоторая мозаичность лексики повышает степень неравномерности ее развития и способствует консервации отдельных ячеек лексической мозаики и в формальном, и в содержательном плане. Автономность лексики (проявляющаяся ярче всего в сфере имени собственного) позволяет отдельному слову сохранять утраченные на других языковых уровнях черты (явления, формы, нередко смысл-значение) и черты, архаические для лексического уровня [19, с. 186]».

Во все периоды развития русский язык пополнялся за счет заимствованных слов. Менялось время, исторические условия, менялся круг контактирующих языков и вместе с этим изменялись пласты заимствованной лексики.

Х. Махмудов пишет: «О древнейших связях между восточными славянами и тюркскими народами говорят языковые факты. Что касается заимствований в русском языке из тюркских языков, то они уводят нас в доисторическую пору, так как в первых русских памятниках находим давние заимствования [14, с. 70]».

Тесное взаимодействие древнерусского и тюркских языков имело глубинные корни и было обусловлено историческими связями Древней Руси с гуннским, болгарским и хазарским союзами племен, а в более позднее время – с огузскими и кыпчакскими племенами, пришедшими в южнорусские степи в X–XII вв. Х. Махмудов писал, что «тюркизмы в русском языке – явление доисторическое, а не XIII в., куда, к сожалению, относят их обычно в учебных пособиях [14, с. 13]».

В лингвистической литературе существуют различные точки зрения по поводу периодизации русско-тюркских языковых контактов, но, как отмечал Х. Махмудов, славянские народы, прежде всего восточные славяне, «с древнейших времен соседили с некоторыми народностями тюркского происхождения, были связаны и экономически и политически, вели непрерывные войны друг против друга, поэтому и заимствования (взаимные) в этих языках начинаются еще в доисторический период. Отсутствие более древних памятников письма не дает нам возможности дать более или менее точную периодизацию (установить даты) проникновения тюркских элементов в славянские языки и славянских элементов в тюркские языки [14, с. 69]».

В развитии русско-тюркских языковых отношений отмечается несколько исторических периодов. Н. Баскаков выделяет пять периодов в истории взаимодействия тюркских и славянских языков:

I период – I–VIII вв., до образования древнерусского государства Киевской Руси.

II период – IX–XII вв., древнерусское государство Киевская Русь.

III период – XIII–XV вв., время после монгольского нашествия.

IV, V периоды – после Октябрьской социалистической революции [4, с. 5–6].

Древнейшим является период, охватывающий первые века нашей эры, до образования Киевской Руси. С VI–VII вв. нашей эры славяне вступают в торговые взаимоотношения с тюрками-аварами, а позже – с хазарами, волжскими болгарскими племенами и др. тюркскими племенами, а также с финно-уграми и иранцами. Этот период характеризуется взаимодействием славянских диалектов с диалектами иранских и финских племен, входивших в племенные союзы с хунну и скифо-сарматов, а также с диалектами тюркских племен, входивших в состав племенных союзов хунну, сабиров, хазар и болгар, рудименты языков которых остались главным образом в антропонимах и этнонимах.

Нас интересуют второй и третий периоды. Вторым периодом характеризуется более тесным взаимодействием древнерусского языка сначала с языками тюркских племенных союзов печенегов, огузов, торков, берендеев, ковуев, боутов и др., а несколько позже – с языком половцев, влияние которого на лексику древнерусского языка продолжалось в следующий период, после монгольского нашествия.

В период Киевской Руси (X–XII вв.), обычно называемый периодом домонголо-татарского нашествия, особенно оживились взаимоотношения русских с огузскими и кыпчакскими (половецкими) племенами. К этому времени относится известный памятник русской письменности «Слово о полку Игореве», сохранивший много тюркских слов.

С самого начала образования древнерусского государства между славянскими и тюркскими племенами существовали тесные связи и велась постоянная борьба. Так, в 865 г. жители Киева платили дань хазарам, а с 889 г. появилась новая тюркская волна кочевников-печенегов, с которыми возникли сложные отношения. Летописные источники свидетельствуют о том, что в 978 г. печенеги покорились князю Ярополку Святославовичу Братоненавистливому (972–980 гг.), к которому перешел служить печенежский князь Илдей. Известно, что при крещении Руси в 988 г., в княжение Владимира Великого (980–1015 гг.) присутствовал печенежский князь Метеган. Однако печенеги продолжали набеги вплоть до 1036 г., уступив позже новым тюркским соперникам славян – половцам.

В. Ключевский писал: «Изучая жизнь Руси, ни на минуту не следует забывать, что она основывалась на окраине культурно-христианского мира, на берегу Европы, за которым простиралось безбрежное море степей, служивших преддверием Азии. Эти степи со своим кочевым населением и были историческим бичом для Древней Руси. После поражения, нанесенного Ярославом печенегам в 1036 году, русская степь на некоторое время очистилась, но вслед за смертью Ярослава с 1061 года начались непрерывные набеги на Русь новых степных ее соседей – половцев (куман). С этими половцами Русь боролась упорно в XI–XII столетиях. Половецкие нападения оставляли по себе страшные следы на Руси... Эта почти двухвековая борьба имеет свое значение в европейской истории. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое движение против мавров, Русь

своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление дальнейшей жизни [11, с. 82]».

Древнерусско-половецкие отношения, начиная со второй половины XI в. вплоть до монгольского нашествия в XIII в., характеризовались сложными междоусобицами, с одной стороны, а с другой – борьбой русских князей между собой, в которую вовлекались и половцы, призываемые русскими князьями против соперничающих русских князей. Но древнерусско-половецкие отношения характеризовались не только военными столкновениями и походами; имели место и мирные союзы, нередко завершающиеся браками, часто из политических соображений, в целях установления более тесных дружеских отношений между народами. Тесное переплетение родственных отношений, набеги на Русь тюркских племен влекли за собой взаимное проникновение элементов духовной и материальной культуры, к которым также относится и язык [4, с. 12–26].

Для XII–XV веков, вошедших в историю России как период монголо-татарского нашествия, характерно проникновение большого количества тюркских слов в древнерусский язык. Проникновение тюркской лексики в русский язык особенно усилилось в период присоединения к России Казанского, Астраханского и Крымского ханств. Тюркские языки с XI в. распространяются как средство общения в тюркском мире между тюрками [7, с. 64].

Тюркские и славянские народы находились «в постоянном контакте друг с другом, и энергия, создавшая и поддерживающая их существование, протекала из одного в другой, как жидкость. Это протекание совершалось в форме военных столкновений, иногда в виде культурных заимствований, а иной раз, как проповедь веры или пересадка (трансплантация) своего образа жизни, мыслей, чувствования в чужую среду [7, с. 400]».

Все это, в зависимости от «формы протекания», обогащало лексику языка. В заимствованных словах отражаются связи народа с другими в разные периоды его истории.

Близкое соседство тюркских народностей (половцев, печенегов, хазар), военные столкновения с ними, а затем и монголо-татарское нашествие оставили в русском языке тюркские слова. Они относятся главным образом к кочевому быту этих народов, одежде, утвари: *богатырь, барабан, тулумбас, колчан, аркан, вьюк, шалаши, бешимет, кушак, каблуки, кисет, кумач, сундук, кистень, кандалы, кабала, казна, караул, лошадь, епанча, башлык, тюфяк, янычар* и др.

Тесные контакты между восточными славянами и тюрками, обусловленные территориальной близостью и жизненной необходимостью поддерживать торгово-экономические взаимоотношения, потребовали практического знания языков своих соседей. В связи с этим появились первые толмачи-переводчики. Частые поездки русских князей в Орду, общение с представителями Орды вызвали к жизни появление первых переводчиков-толмачей (тюркское тил «язык»).

Так, устаревшее слово толмач в словаре С. Ожегова толкуется как «переводчик во время беседы, переговоров [17, с. 801]», т.е. устный переводчик.

Это слово заимствовано из тюркских языков: кыпч. *tylmač*, казах. тілмаш, алт. *tylmäč*, турец. *dilmaç*, уйгур. *Tilmäži* [19, с. 801; 17, с. 46].

В русском языке от него образовался глагол *толмачить* в значении «переводить с одного языка на другой». В. Даль дает параллельный глагол *толмить, тольмить* «толковать, объяснять, рассказывать подробно, заставить понять. // Твердить, затверживать наизусть, долбить, зубрить, учить на память», при этом поясняет: *толмачить* в значении «переводить», а *толмить* в значении «толковать», ср. также: *толмаченье, толмачка, толмачество, толмачский, толмацкий* [8, с. 412]. Ср.: *Вот на прошлой неделе пришел я в канцелярию за паспортом, а тильмач ради наступающего праздника с меня 20 копеек взял* («Тургайская газета», № 4, 1907) [1, с. 97].

Н. Баскаков писал, что «тюркские племена оставили заметные следы в лексике восточнославянских языков: русского, украинского и белорусского, а также оказали некоторое влияние на фразеологию и грамматику этих языков [4, с. 5]».

Тюркизмы играли важную роль в обогащении словарного состава русского языка, история их появления «уходит корнями в далекую древность, когда предки современного русского и других славянских народов, проживавших в средней полосе территории нынешней России, в Поволжье лесостепных районах, граничивших со степями Причерноморья, имели в разных формах связи с соседними племенами и народами [3, с. 34]».

Данное исследование дает возможность обнаружить новые интересные лингвистические факты и явления тюркизмов в области лингвокультурологии, истории, этнографии и т.д.

Перспективы дальнейших исследований заключаются: 1) в изучении процессов вхождения заимствованного слова в принимающий язык; 2) в изучении взаимовлияния и взаимообогащения языковых контактов разноструктурных языков.

Литература

1. Абилясимова Б.Б. Казахизмы в русскоязычных газетах Казахстана (II половина XIX в.). Исследование и словарь / Абилясимова Б.Б. – Алматы : Изд-во «Арыс», 2006. – 116 с.
2. Алимпиева В.В. Семантическая значимость слова и структура ЛСГ / Алимпиева В.В. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 177 с.
3. Асфандияров И.У. Восточная лексика в русском языке / Асфандияров И.У. – Ташкент : Фан, 1991. – 247 с.
4. Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве» / Баскаков Н.А. – М. : Наука, 1985. – 208 с.
5. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. / Виноградов В.В. – М. : Учпедгиз, 1938. – 228 с.
6. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. / Виноградов В.В. – М. : Учпедгиз, 1938. – 448 с.
7. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь : в 2-х кн. / Л.Н. Гумилев. – М. : Институт ДИ–ДИК, 1997. – Кн. 1. – 512 с.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / Даль В.И. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1–4.
9. Демьянов В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века / Демьянов В.Г. – М. : Наука, 1990. – 159 с.
10. Дмитриев Н.К. Тюркские элементы в русском языке / Н.К. Дмитриев // Труды Института русского языка АН СССР. – М. : АН СССР, 1948. – Т. 1. – С. 28–45.
11. Ключевский В.О. Русская история / Ключевский В.О. – М. : Эксмо, 2005. – 352 с.
12. Копыленко М.М. Основы этнолингвистики / Копыленко М.М. – Алматы : Евразия, 1997. – 178 с.
13. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Крысин Л.П. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
14. Махмудов Х.Х. Русско-казахские лингвостилистические взаимосвязи / Махмудов Х.Х. – Алма-Ата : Наука, 1989. – 288 с.
15. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика / Мечковская Н.Б. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
16. Мусатаева М.Ш. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке / М.Ш. Мусатаева, Л.А. Шеляховская. – Алматы : [б. и], 2006. – 266 с.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : 8000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – [4-е изд.]. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
18. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса / Н.И. Толстой // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). – Л. : Наука, 1983. – С. 181–190.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Изд-во АСТ, 2003. – Т. 1–4.
20. Щерба Л.В. О понятии смешения языков / Л.В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1958. – Т. I. – С. 40–53.

Стаття рекомендована до друку кандидатом філол. наук, доцентом кафедри української лінгвістики і методики навчання ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди» Довбією Л.Е.

Стаття надійшла до редакції 6 червня 2014 року